

"Когда я
итогу то, что прожил,
и роюсь в днях — ярчайший где,
я вспоминаю одно и то же —
двадцать пятое, первый день".

Владимир МАЯКОВСКИЙ

НЕКТО 1917. Каков он? Как проявляется? Он — многолик. Красив и безобразен. Растерян и решителен. Он — кто? Гимназист с нахальными глазами и революционным бантом. Поручик Голицын, которому не хотят подчиняться "нижние чины". Томная барыня в нарядах от Поля Пугаре, устраивающая в своём особняке спиритические сеансы. Художник-футурист — он давно мечтает взорвать прогнивший и протухший мир. Перепуганная фрейлина, вдруг усомнившаяся в незыблемости своего роскошного положения. Образованный купчина-меценат — он уже лет пятнадцать подкармливал большевиков и — модных портретистов. Что-то будет! Пролетарий с обветренным лицом — гегемон века машин и стальных крыльев. Крестьянка, белаящая холсты, как завешала ей прабабка. "И Ленин такой молодой. И юный Октябрь впереди!" Столетие Октябрьской Революции 1917 года мы отмечаем по-разному. Кто-то пишет аналитическую монографию — о том, что мы приобрели, а что — увы, потеряли. Кто-то ратует за возвращение исконного самодержавия — мол, хватит бесчинствовать без царя-батюшки! Другие — ностальгируют по стабильному и тёплому СССР, в котором всё было дивно устроено, а телеящик — не растлевал, но воспитывал. Граждане спорят и ругаются. Переворот-1917 — благо или смерть? Прорыв или откат? А что, если бы не случилось? Однако неоспоримо главное — залп "Авроры" перевёрнул и кардинально изменил жизнь России. Нет. Всего человечества.

В Третьяковской галерее открылась масштабная экспозиция — "Некто 1917", объединившая более 100 произведений искусства. Принцип отбора — дата создания — 1917 год (реже — 1916 или 1918-1921). Название — из Велимира Хлебникова, который в списке падений и крушений (Рим-476, Византия-1453 и т. д.), пророчески написал "Некто 1917". Некто — это и есть Россия. Третий Рим. Концептуальность задумки позволяет оценить не только творческую атмосферу конца 1910-х годов, но и отследить мотивы, побуждения, вкусы, ...ночные кошмары. Выставка имеет несколько разделов: "Мифы о народе", "Эпоха в лицах", "Утопия нового мира" и так далее. Зритель может убедиться — накануне Революции русское искусство переживало подъём и кризис — одновременно. Категорический отказ от настоящего времени. Оно — декаданс и депраданс. Прошлое и будущее одинаково годились для более чем естественного на тот момент эскапизма. Поражает количество стилей, направлений, воспелсов, часто противоположных друг другу. Художественная и культурная парадигма — синоним бытия. Точный слепок. Что в голове, то и на картине. Русский мир — сотрясаясь в пневе, страшая и неистовых желаниях. Поэтому одни — звали в грядущее, другие — тянули в прошлое. "Некто 1917" — это и шедевры, и посредственные работы, интересные лишь в качестве напоминания об эпохе.

Вся экспозиция — на контрастах. Поиски умиротворения противопоставлены желанию крушить-ломать. Святая и вечная Россия с картин Митхила Нестерова — безуспешная попытка сдерживать красного коня. Н.И. Гоголевскую птицу-тройку, несущуюся во все осыр и сметающую всё, что попадается по пути. "Душа народа" — откровение философа. Здесь и коридовый, и Лев Толстой с Фёдором Достоевским, и сестра милосердия, и крестьянки в стальных, вековечных обаяниях, и городская интеллигенция. Во главе процессии — отрок, неизменный персонаж мастера. Нестеров говорит нам: лишь вера в Господа спасает, всё остальное — от лукавого. И — "Смутное" Василия Кандинского. Созвучие неприятных цветов и нюансов, которые, безусловно, хороши по отдельности, но тут они сливаются в омерзительную, гиблную массу. Ровно как в жизни. Смута — как уничтожение гармонии. Кандинский изучал влияние цвета на психологию, а потому его "Смутное" вызывает панику и тошноту. Это — намеренно. Алексей Толстой писал: "...все жаждали и, как отравленные, припадали ко всему оstromу, раздражающему внутренности".

Россия — разная, и, как утверждал поэт-гражданин, помещичий отпрыск Николай Некрасов: "Ты и убогая, / Ты и обильная, / Ты и могучая, / Ты и бессильная, / Матушка Русь!" Именно такой разброс мнений пред-

БЛАГО ИЛИ СМЕРТЬ?

О выставке «Некто 1917» в Третьяковской галерее

лагают художники-1917. Осанистые богины из крестьянского цикла Зинаиды Серебряковой — казалось бы, они просто белят холст или выполняют иную физическую работу. Тем не менее, позы их и лица будто срисованы с античных фресок времён римского могущества. Художница пребывает в благоговейном восторге перед этим почти ритуальным действием: крестьянским трудом: "Золото, золото — сердце народное!" Совершенно по-другому выглядит "Расея" Бориса Григорьева — скукоженные, кривоватые лица, жесть и резкость. Типажи деревенских дурачков и уставших от жизни баб-мужиков-детей. Пытливые, колочие глаза рыжей девочки — она вся на изломе. Впрочем, Григорьев не щадит и городских обывателей. Не то бичует, не то — злобно констатирует. "Улица блондинок", "Вор и проститутка" — такова бытность. Малоприглядные, до гротеска вульгарные "жрицы любви" предьявлены во всем своём жалком похабстве. На потасканных женщинах — модные, истрёпанные платья. Мятая жизнь. Убитые грёзы. А "Петроградская мадонна" Кузмы Петрова-Водкина — воплощение мудрости и спокойной миросозерцания. Что ей наэлектризованная толпа и листовки в подворотнях? Её вселенная — ребёнок. Оттого и фигурки людей кажутся ничтожными рядом с величием жены-матери. Хотя, на плечи ей накинут красный... — флаг. Она — вся в будущем. Её сын — дитя большевистской России. Местечковую идиллию представляет Марк Шагал с хрестоматийной вещью "Над городом". Марк и Белла воспарили над еврейским "штетлом" с его мелкими заботами и вздорными амбициями. Жажда свободы. Не уйти — так улететь. В столицную суету нас возвращает Аристарх Лентулов — полыхающий "Тверской бульвар" — линии Страстного монастыря и памятника Пушкину. Всё — обито красной лавой. "Мир, торжество, освобождение" — почти мистическое полотно, где очень мало привычной лентуловской техники, зато — переизбыток чувств. Палитра: от дикого, неконтролируемого страха — до вакического иступления. А не которым — хочется тишины и милого счастья. Не зная о войнах и революциях. Сидеть в белом платье и смотреть на водную гладь, лунную дорожку, нагретое небо. Дамы с картины Сергея Виноградова "Алупка" — безмятежны. Они — укрылись. Что их ожидает? Вариантов — мириады. Комиссарская шашка или — Париж? Подвалы ЧК с последующим расстрелом или — трезвое и чёткое осознание новой жизни? А пока — благоуханно-барственный отдых. Убегает и Борис Кустодиев, продолжажа писать купцов с купчихами, празник Масленицы, зиму-красавицу и — благополюе горячего лета ("Поездка в Терем"). Здесь и черковка, и сено, и тучные стада. Купаются адрёные девки. Поодаль — господа едут в повозке, а дама — с непрерывным белым зонтом. Кустодиев отключается и на вывоз дан, рисуя колоссального Большевика. Художник не ставит ему оценку — он попусту заворужен. Кто это? Чудище-Годзилла? Или — творец неизбежной реальности? Звучит рефреном: "До основания, а затем..." Живописная работа Иллы Репина "Большевики в деревне" (другое название: — "Красноармейцы, отрицающие хлеб у ребёнка") написана уже в 1918 году и, судя по всему, выставлена для того, чтобы оттенить пафос кустодиевского гиганта. Передвижник написал карикатуру — жестокую и беспощадную. Как видел. Что понял. Или — выдумал. А быть может, возвёл едничный случай — в абсолют. На картине — пигмие-разрушители, недолги, рядом с которыми даже пресловутый Шариков — аристократ. Плулмивые хари, чертовщина, смерть. Запуганный всмерть мальчик. Также — символ Русиногострадалицы?

На выставке много портретов. Манерные, тонкие персонажи Константина Сомова. Тревожный поэт Каменский в исполнении Давида Бурлюка. Импульзантий Максим Горький от Валентины Ходосевич. Написан в стильно-продвинутой кубистической манере — эстетика острых углов и скрытой динамики. "Портрет танцовщицы" Юрия Анненкова — застывшее нервное движение. К чему-то — кривоватый стакан и — нестерпимая жептизна лимона. Малоизвестная вещь Николая Андреева "Портрет неизвестной" славна уже тем, что автор смешал всё, что мог, а вернее — Климта с Модильяни. От этого забавного микса получилась чарующая дама с вы-

«Мир. Торжество. Освобождение.». Художник Аристарх ЛЕНТУЛОВ (1917)

разительной шеей и длинными пальцами. С лукавым и насмешливым, но — жёстким выражением лица. Полупулыбка. Треугольный вырез очень скромного платья, но тут же — ковелерный изыск. Колдовские, рыжие волосы. Оранжево-жёлтый, радостный фон. Настроение картины, скорее, мажорное. Да только взгляд незнакомки — отврепляет. Кем она была? Куда делься? Где сгинула? Кем — стала? Танцоркой в Париже или модисткой в Шанхае? В ушах какой толстомясой напманши потом болтались эти громоздкие серьги?

Грустные, бедняцкие натюрморты смутного времени — сенёды Штеренберга и хлеб Фалька. "Две морковки несущие за зелёный хвостик". Разруха не только в головах и плечах. Она — включена в программу обновления. Голод не мешает вычерчивать планы грядущего — зал, посвящённый русскому авангарду, называется "Утопия нового мира". Супрематические формы и пространства. Агрессивно-детский геометризм. Яркость восприятия. Малевич утверждал: "Человек-живописец вернулся к чистому действию великого опыта, достигая через свои внутренние природоестественные побуждения новых конструкций мировываения..." Потребность в манифестах и декларациях новизны и — возвращения. Первобытные силы выталкивают сонную Россию на очередную дорогу, ведущую в Рай. Хожение по мукам. По терниям. По углям. Необыкновенно, ново и смело, Дарья Дмитриевна, разве вы сами не чувствуете, — новое, новое прёт! Наше, новое, жадное, смелое. Вот тоже и Акундин. Он слишком логичен, но как вбивает гвозди! Ещё две, три таких зими, — и все затрептит, полезет по швам, — очень хорошо! Будем лопать пустоту? Большими ложками, потому как больше есть нечего.

Выставка "Некто 1917" наводит на противоположные мысли: Революция — это гибель. Зачем? Кому от этого — лучше? Брат шёл на брата. Кровавые сполохи. Но вдруг — солнечный луч. Костры до небес. Данко с вырванным сердцем. Красное зарево. Новая планета. Слава Октябрю!

Галина ИВАНКИНА

«БЕЗ МОНАРХИИ НАМ НЕ ЖИТЬ...»

О выставке «Семья императора» рассказывает её организатор, художник-реставратор Александр РЕНЖИН

Отец всем просит передать,
Не надо плакать и роптать,
Дни скорби посланы для всех
За наш великий общий грех.
Он всех обиды позабыл,
Он всех врагов своих простил
И за Него велит не мстить,
А всех жалеть и всех любить.
Он говорит: мир тонет в зле,
Иссякла правда на земле,
И скорбный крест ярядущих дней
Ещё ужасней и страшней.
Но час пробьёт, придёт пора,
Зло одолеет власть добра,
И всё утраченное вновь
Вернёт взаимная любовь.

Известно, что великая княжна Ольга Николаевна писала стихи, и вот это — единственное, что дошло до наших дней: стихотворение написано под впечатлением от "Молитвы" Сергея Бехтеева ("Пошли нам, Господи, терпенье...") в дни екатеринбургского заключения, в 1918 году. И еще известно, что помолвка великой княжны с румынским принцем (будущим королем Каролом II) во время Первой мировой войны не состоялась, Ольга Николаевна категорически отказалась покидать Родину, говорила, что не представляет жизни вне России, что она — русская... 17 июля 2018 года мы отметили скорбную дату. Со дня расстрела в итальянском доме императора Николая II и его венецной семьи, преданных Романовым люб-медика, повара, камердинера и горничной пройдет ровно сто лет. Век. На протяжении которого русский человек свято хранил память о царе.

Выставка "Семья императора" — тому свидетельство. Выставка проходит в Музее Русского Искусства, примечательность её в том состоит, что представляет рапшеты, что десятилетиями ждали своего часа в "бабушкиных" сундуках столичных квартир или за иконками в деревенских избах. Так получилось, что однажды, в начале 90-х, некоторые из них попали в антикварную лавку, в руки Александра Ренжина, художника-реставратора, мецената и просто личности выдающейся. Собрание реликвий, связанных с историей царской семьи стало страстью Александра Ренжина, его заботой и целью: открыть в Москве музей Императора Николая II.

"ЗАВТРА". Александр Васильевич, что бы назвали главным в вашей выставке, открытия которой мы ждали еще весной?

Александр РЕНЖИН. Эта выставка — лишь незначительный скоп, маленький фрагмент той выставки, ко-

торую я планировал сделать в Зачатьевском монастыре к своему 60-летию, предполагал, что она станет отчётом перед собственной совестью. Без малого тридцать лет я собираю материалы по Николаю II и хотел сам посмотреть на то, что было собрано. Но, в силу независимости от меня причин, выставка в Зачатьевском монастыре не состоялась. Главной составляющей выставки, конечно, являются фотографии. Из более чем тысячи фотографий своего архива я выбрал сотню. Оригинальные фотографии все небольшие, размером до открытки, а я сделал их увеличение, некоторые размером до метра на полтора. Фотографии конца XIX и начала XX веков, те, преимущественно, что касаются, конечно, царской семьи — это труды фотохудожников в высоком смысле слова: Карла Буллы, Сергея Левицкого, Бергамаско... Такие работы можно однозначно назвать художественными портретами, прекрасно передают характер, видна искусная работа с освещением, в общем, это была студийная работа, в которой авторы добивались очень хороших результатов. Такого качества оригиналы позволяют сегодня делать увеличение такого качества, что даже в столь увеличенном формате они смотрятся прекрасно. И можно сказать, сейчас мы открываем для себя эти фотографии как бы заново: множество мелких открытий, деталей, тонких нюансов.

"ЗАВТРА". Оставим открытия интригой. Хотела бы спросить: вас не травмирует тот факт, что значительная часть населения страны относится сегодня к монархии как к отрицательному опыту истории?

Александр РЕНЖИН. Что значит: не травмирует? Я считаю, что это не вина этих людей, а беда. Потому что если они настоящие русские люди по духу, не по крови, не по национальности, а как покойный Илья Сергеевич Глазунов говорил: "Русский человек это тот, кто любит Россию", если они считают себя настоящими русскими людьми, то рано или поздно они прозреют. Они узнают, что никакой другой строй, кроме как монархический, не может быть на нашей земле. Тысячу лет мы жили в условиях монархии, наши предки оставили нам гигантское государство, художественное и духовное наследие — тому подтверждение, мы достигли на этом пути абсолютно ни с кем несравнимых успехов. Так что я считаю, без монархии нам не жить, у нас другого будущего не будет.

"ЗАВТРА". Не так давно вновь развернулась дискуссия о подлинности екатеринбургских останков, что в 1996 году были признаны царскими и в рамках пиар-кампании Ельцина состоялись их захоронение. Ваше отношение к такой ситуации?

Александр РЕНЖИН. К такой ситуации я могу добавлять лишь то, что коснулось меня лично. Мне довелось общаться на эту тему с покойным святейшим патриархом Алексием II, и он однозначно сказал: "Да, мы не берёмся сейчас утверждать ни подлинности, ни неподлинности этих самых останков по одной простой причине: все процедуры, какие только можно было нарушить при изъятии вещественных доказательств, при их исследовании, абсолютно все процедуры были нарушены". Нарочно ли это было сделано, или по непрофессионализму тех, кто этим занимался? Не знаю. Но факт остаётся фактом. К тому же занимались всей процедурой люди неправославные, которым было глубоко наплевать на мнение Церкви.

"ЗАВТРА". Вопрос характера царевубийства снова на повестке дня. Почему, на ваш взгляд?

Александр РЕНЖИН. Вопрос расстрела царской семьи — сакральный на самом деле. И всё то, что касается царской семьи, нужно исследовать в первую очередь с точки зрения духовной. Кто, зачем и почему совершил это злодеяние. Это злодеяние не просто на уровне какого-то местного убийства какими-то маньяками, это — глобальная акция, которая была задумана и продумана в большевистских недрах. И за всем за этим стоит серьёзная идеология.

"ЗАВТРА". Зачем, на ваш взгляд, либералам во главе с Немцовым понадобилось в 1996 году объявить екатеринбургские останки — царскими?

Александр РЕНЖИН. Чтобы в нужный момент сказать: "А-а-а, видите, вы их признали святыми, а мы тут всё сфальсифицировали", чтобы еще раз поглядеть на царских костях.

Марина АЛЕКСИНСКАЯ

В ДЕКАБРЕ 2017 ГОДА фестиваль "Артдокфест", которым руководит небезызвестный Виталий Манский, осуществил глубоко эшелонированную провокацию. Показ в России фильма "Война ради мира", посвященного нацистскому "Правому сектору" и снятого с абсолютно панегирической точки зрения, после обращения, в том числе, ряда депутатов Государственной думы в прокуратуру удалось предотвратить. Но на фоне этого скандала они протаскили ещё ряд фильмов, в частности — украинского режиссёра Сарыхалилова о Мустафе Джемилеве, где воспеваются глава террористов из так называемого "Меджлиса крымско-татарского народа". А самым ярким эпизодом стал фильм Беаты Бубенец "Полет пули", где прославляется уже батальон "Айдар". То есть тоже террористы, убийцы, нацисты. И этот фильм — получил премию фестиваля "Артдокфест". А люди из движения "SERB" (это движение "Юго-восточный радикальный блок", которое зародилось на юго-востоке Украины и имеет антиимперианскую идеологию), которые попытались сорвать премьерный показ фильма, распылив в зале "сильно пахнущее вещество", арестованы на неделю.

"Артдокфест" задуман как массированная провокация не только в 2017 году, а практически с появлением самой концепции этого фестиваля. Наши либеральные младшие братья по разуму даже не скрывают, что, по их понятиям, творческой личностью может считаться только тот, кто всеми силами выступает против всего русского, включая, кстати, и всё советское. И соответственно, удивляться надо не тому, что на этот фестиваль вынесена очередная доза всякой антирусской гнуси, а тому, что не вся программа "Артдокфеста" состоит из открыто анти-русских материалов, и там изредка ещё попадает нечто вменяемое. Но это понятно: провокаторам нужна какая-то дымовая завеса.

Что же касается движения "SERB", арестованным ребятам можно только посочувствовать. Они действительно нарушили закон. Полагаю, что впрямь надо искать более законные способы борьбы. Самый простой из них, я думаю, такой: постараться как-то развязать спонсорам Манского, что это дело для них самих может обернуться разорением. В конце концов, эти люди, как правило, живут не как "оферический конь в вакууме" из известного анекдота — они, как и все смертные, нуждаются в источниках повседневного заработка. А значительная часть этих источников зависит от нашего общественного мнения. То есть мы должны говорить и писать не только то, что Манский протаскил очередную порцию всякой дури и гнуси, но ещё и о том, что эту порцию оплатили такие-то деятели, зарабатывающие таким-то образом. Это многим прояснит мозги.

Известно, что, например, в Соединённых Государствах Америки формально запрещена любая цензура. В нашу Конституцию американские специалисты в 1993 году тоже вписали такой запрет. Тем не менее, в Америке крайне редко можно найти какое-то выступление, представляющее интерес для всяческих комиссий по расследованию антиамериканской деятельности. Почему? Приведу такой пример из американской практики. В своё время автопромышленник и автор идеи применения конвейера в крупном промышленном производстве Генри Форд не смог получить от американских банкиров кредит на осуществление своей очередной деловой идеи. А поскольку тогда значительной частью американских банков владели евреи, Форд, чтобы подтолкнуть их к нужному для него решению, решил вложиться в антисемитскую пропаганду. Евреи ответили, как сейчас принято говорить, асимметрично. А именно: сообщили, что им принадлежал значительная доля в кинопромышленности, и что если Форд продолжит финансировать антисемитские выступления, то во всех американских фильмах автокатастрофы со смертельным исходом будут происходить только на автомобилях "Форд". Этого хватило. Полагаю, что и в России можно найти какие-то достаточно асимметричные решения для борьбы с личностями, объявляющими себя творцами без всяких на то оснований.

Возвращаясь к "Артдокфесту", напомню, что ещё в 2014 году Министерство культуры прекратило финансирование кинофестиваля именно на том основании, что там демонстрируются ленты, явно противоречащие не только интересам, но и законам РФ. Если Манский всё ещё находит себе какие-то источники финансирования: не государственные, а общественные, — то это значит, что теперь ни и его "Артдокфестом" должно заниматься уже не государство, а общество. Хотя, согласно действующим в Российской Федерации законам, пропаганда террористической деятельности, как и пропаганда и реабилитация нацизма — это именно преступление. Значит, надо подавать за это на Манского в суд и публично напоминать, что все финансирующие "Артдокфест" оказываются соучастниками особо опасных преступлений.

Среди тех, кто финансирует "Артдокфест", значится банкир и предприниматель Прохоров. Трудно

тут бороться с людьми, которые как бы заведомо у нас неподконтрольны и неподсудны. Есть ряд вопросов по поводу того, куда на голове нашей власти и общества смотрят глаза? Похоже, что в разные стороны. Да и руки на туловище нашей власти и общества тоже действуют совершенно автономно. В результате Манский всё ещё считается приличным человеком в нашем обществе. Этот выходец из Львова не только работал на всех ведущих российских телеканалах: ОРТ, ВГТРК, Пятый канал, Рен-ТВ, — но и длительное время руководил службой производств и показа документальных программ на главном государственном канале России — РТР. Он продолжал оставаться членом российской киноакадемии "Ника", членом российской телеакадемии "ТЭФИ", а также заместителем председателя киносоюза России. Хотя ещё в 2014 году он подписал абсолютно антирусское и пронацистское письмо в защиту Украины, которая стала жертвой российской агрессии — "Мы с Вами!" После чего, кстати, и последовал отказ Медведского в финансировании "Артдокфеста". После

КОМИЛЬФОШИЗМ

Почему украинские
неонацисты в фаворе
у российских либералов

этого Манский переехал в Ригу и продолжает от-правлять все свои российские должности оттуда, разжигая русофобию как в Латвии, так и здесь. И всё это как бы комильфой. Получается, что комильфой и приз, данный Манским фильму про "Айдар". А "SERB" — не комильфой.

К сожалению, ещё со времён Российской империи неотъемлемым и даже обязательным качеством "приличного человека" является его ненависть к своей стране и её народу. Скажем, Смердяков в "Братьях Карамазовых" — это фигура, списанная с натуры, да ещё и ошутимо смягченная. Реальные прототипы Смердякова были гораздо радикальнее, чем созданный Достоевским художественный образ. И, скажем, фраза из стихотворения особо прогрессивного деятеля Печерина: "Как сладостно отчизну ненавидеть и жадно ждть её уничтоженья", — была сказана на полном серьёзе. Поэтому, кстати, значительная часть современного российского политического руководства тоже на полном серьёзе уверена, что мы такие плохие, а потому — заслуживаем и "Артдокфеста", и санкций, и прочей русофобии. Боюсь, что в одночасье такое не изменишь. Тем более, что мы оказались мишеньями очень мощного пропагандистского удара, и коллективный Запад постоянно сообщает нам, что мы виноваты уже тем, что мы русские. И когда об этом кричат буквально из каждого утюга, в это легко поверить. Я не вижу лёгких путей в нынешней борьбе. Но полагаю, что, когда активисты тех же организаций "SERB" опубликуют список тех инстанций, куда они обращались и где не отреагировали на их обращения, — это тоже в какой-то мере послужит просвещению умов хотя бы у части лиц, принимающих решения. Надо быть не столько по головам, сколько по имиджу наших противников. В конце концов, у них immense публичный образ — главная ценность и главный источник заработка. Надеемся, мы научимся бить их именно по тому месту, которым они зарабатывают.

Украина, конечно же, торжествует. Заголовок в прессе: "Фильм, посвящённый 'Айдару', награждён премией 'Лавр' в Москве!" Не есть ли демарш "Артдокфеста" попусту и замена Родины, раз люди сознательно делали такой подарок нацистскому Киеву?

Российская Федерация — не участник конфликта и, тем более, — боевых действий на Украине, то есть формально это невозможно объявить изменой Родине. Другое дело, что террористы, захватившие Киев в феврале 2014 года, воюют против русского большинства граждан Украины. И, таким образом, это деяние — измена русскому народу. Найдётся ли в наших законах возможность когда-нибудь справедливо покарать такое преступление, я пока не знаю. Но думаю, что сам русский народ найдёт необходимые и достаточные средства для объяснения изменникам, в чём они неправы. Напомню, что по крайней мере одно такое средство предоставили в наше распоряжение Соединённые Государства Америки: они устроили сейчас такую мощную охоту за деньгами наших либералов, выведенными за пределы страны, что те достаточно скоро поймут, что единственная для них защита — это могущество нашей страны. И в их собственных интересах выступать против тех, кто это могущество пытается подорвать.

Анатолий ВАСЦЕРМАН

«РЕВЕЛА БУРЯ, ДОЖДЬ ШУМЕЛ...»

«Чапаев» и «Окраина»

"В комнате трое. Телевизор, кадры: боевая песня двух воюющих африканских племён, проколотые носы, урчающий татуаж. Панька и Филипп Ильич сидят неподвижно, их наблюдение безэмоционально. Василий Иванович шит на диване. Крик обкомовца, бьют чаша. Телевизор: певица беззвучно и весело поёт в микрофон, кружится беззастенчивая молодёжь. Панька подходит к экрану, холодными, как лёд, глазами всматривается в рыби дискотеки. Как в аквариум с огами, заглядывает он в этот мир. Из поребы выезжает Полуянов".

Идея национальной "почвы", во всей её сложности, для современного российского искусства по-прежнему значима и актуальна: народ, отстаивающий своё право на уникальность, всё так же болезненно реагирует на опасность подмены, совершаемой ныне методично и внутренне, на уровне смысловых оборотов. Живая мысль современной России, при обострённых социальных проблемах, нередко бьётся между столь различными ценностями, что само понятие "почва" до нашего времени так и остаётся неясным.

Не останавливаясь на том, в каком идеологическом противоречии решает этот вопрос современный кинематограф, хочу обратиться к более цельным в этом отношении картинам далёкой от нас действительности, возникшим на грёбне всё тех же переживаний, в пароксизме всё той же боли, которую испытывает человек в поисках утраченного прошлого. Поскольку речь неизменно пойдёт о мифе, интересно сопоставить два фильма: "Чапаева" братьев Васильевых (1934) как затрепанное мифологическое и "Окраину" Петра Луцкиа (1998) как дальнейшее противостояние этой мифологии реальным условиям её бытования.

В одном из своих интервью Луцкий говорит о "Чапаеве" как о "великой подосознательной мечте всех режиссёров". Возможно, именно так — подосознательно — он вносит в свой фильм прозвучавшую в "Чапаеве" песню о гибели атамана Ермака, подосознательно же даёт своим героям схожие имена.

Сказавшая серьёзность "Окраины", сближающая картину с романтической патетикой советского фильма, балансирует между звериной жестокостью и искренней наивностью, вот уже в который раз совмещая несовместимое в "волшебной жизни" русской ойкумены. По свидетельству архивных записей, Васильевы вырезали из ленты сцену расстрела дезертиров, что, на фоне неожиданного бравых каппеллецев, могло бы лишить образ легендарного комдива должного обаяния. Простосердечие и беспощадность в обеих картинах мифологичны: первые зрители "Чапаева" воспринимали фильм не как произведение искусства, они принимали это как реальный факт, актуализацию недавнего и едва ли не сакрального прошлого. В 30-х годах количество просмотров "лучшего фильма" неизменно зашкаливало (по данным статистики, его просмотрело около 50 миллионов человек).

"Окраина", мгновенно попавшая в разряд "запрещёнки", являет собой всё то же русский миф: жуткая по своей архаичке казнь обкомовца, поджог столичной высотки по своей сути безосновны: действа неизменно вместе, герои фильма чувствуют себя единичными и неистребимым существом, выживающим в самых нечеловеческих условиях, живущим по природному времени. Насилие "мужиков" неподвластно морали, оно качественно сложнее по своей функции и очистительно по силе своего противостояния гибельному безличию современности.

"Устал современный человек от жизни. Как осыб, как животное. Вижу это и в молодых, и в старых. Ни работать, ни воевать ему более не в радость..."

Главное достоинство крестьян — земля, воспринимаемая ими на подсознательном и естественном уровне и отнюдь не с позиций идеологии. Она их идея и жизнь, как и для Чапаева, далёкой от изысков философии и политики. Глубокое понимание чаяний народа даёт ясное понимание сути происходящего, при котором влияние нацизма, его действия, в чём-то наивные, оказывались значимые прописных истин комиссара Фурманова (весьма любопытная деталь для "программной" картины). "На своей же земле собаками потравили!" — не просто о воровстве. Это предел унижения, интуитивное осознание дикости, немислительности произошедшего, а не просто факт социальной несправедливости. И только ответные действия могут восстановить погрязные основы жизни.

Гипертрофированная театральность некоторых сцен Луцкиа и Саморядова ("мимическое" прочтение стихов, качающиеся колыбелью мотоцикл, сами лица актёров, высеченные "под старину" постмодернисткой наемши, возможность которой опровергает сам режиссёр в том же интервью ("Я не люблю слова "счёт", никогда в жизни не стеснялся, всё, что делал, делал серьёзно"). Посыл "Окраины" всё же был разгадан и оказался слишком серьёзным для того, чтобы считать картину всего лишь пародией. Саморядов и Луцкий ушли слишком рано.

В своих воспоминаниях Борис Бабочкин называет "Чапаева" "первой советской трагедией": наследник Пугачёва и Разина, "характер, сложившийся исторически, вынырнувший буквально из глубины веков [...]", как исторический тип, как представитель определённого вида, породы, должен быть исчезнуть, уступив место новому типу, представителем которого в фильме является образ комиссара Фурманова.

Как сказал Маяковский, "в душе ни одного седого волоса". Лежание на печи гильебно, потому и стаскивают с полатей умирающего от тоски Паньку могучие уральские мужики, выводят на студёный ветер, на беспощадный, но отнюдь не бессмысленный спор. Чтобы ехать по-тому на старом тракторе в пламенеющий золотом закат, поднимая стаи грачей, вдыхать крепкий запах развороченного свежего грунта. Любопытна на убегающую к горизонту пыльные борозды вспаханной целины.

Марфа ПЕТРОВИЧЕВА